

ОБ ОДНОМ МАРКЕМОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ, ИЛИ МОЖНО ЛИ СВЕСТИ ЧЕТЫРЕ ВЕКА АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ К ДВУМ КЛЮЧЕВЫМ СЛОВАМ

Т.С. Зевахина, М.М. Филиппова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; tzev@mail.ru; philippova.marga@gmail.com*

Аннотация: Речь идет о книге «Языковые ключи к английской литературе от Шекспира до Фаулза», созданной д.ф.н. О.Г. Артемовой в русле научной школы маркемологии Воронежского государственного университета. Исследовательница задалась целью определить ключевые слова английской литературы XVII–XX вв. посредством квантитативного анализа большого корпуса текстов, избрав для изучения по 16 прозаиков из каждого полувека. В статье анализируется отбор материала, методологические принципы исследования, используемая терминология, а также полученные в результате подсчетов списки 50 ключевых слов (маркем) для каждого автора. О.Г. Артемова выявляет общие для каждого полувека «сквозные» маркемы и отдельно — маркемы для всего изучаемого периода. Авторы статьи критически оценивают как сам научный подход, так и его результаты, предьявив описание собственных экспериментов, нацеленных на уточнение функционирования лексики англосаксонского и романского происхождения в случайно выбранных отрывках из произведений 3-х писателей, фигурирующих в исследовании О.Г. Артемовой: О. Уайльда, Дж. Оруэлла и А. Мердок. Также был осуществлен компьютерный анализ лексики одного романа каждого из этих писателей.

Ключевые слова: ключевое слово (маркема); алгоритм квантитативного анализа; лексика германского (англосаксонского) и романского происхождения; семантическая классификация маркем; терминологическая система; эксперимент для проверки валидности результатов.

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-01-9

Для цитирования: Зевахина Т.С., Филиппова М.М. Об одном маркемологическом исследовании художественных текстов, или Можно ли свести четыре века английской литературы к двум ключевым словам // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 1. С. 111–124.

ON ONE MARKEMOLOGICAL STUDY, OR CAN FOUR CENTURIES OF ENGLISH LITERATURE BE REDUCED TO TWO KEYWORDS

Tatiana Zevakhina, Margarita Philippova

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; tzev@mail.ru;
philippova.marga@gmail.com*

Abstract: We turn to Olga Artyomova's research done in the school of markemology at Voronezh State University. The task of the research was to single out the keywords of the 17th–20th century English literature. Selecting 16 prose-writers of each half a century, the author undertakes a quantitative analysis of the resulting corpus of texts. The choice of materials, methodology, the terminology used, and 50 keywords ('markemes') for each author got through calculations are studied in the paper. Artyomova determines the so-called "straight-through" markemes common for each half a century and specifically — markemes common for all the four centuries. Both the scientific approach and the results obtained are evaluated. The authors' own experiments are described carried out to specify the functioning of the word stock of Anglo-Saxon and Romance origin in random extracts from the works of three authors figuring in the research: O. Wilde, G. Orwell and I. Murdoch. Besides, the vocabulary of one novel by each of these authors was subjected to computer analysis to find out the correlation of Germanic (Anglo-Saxon) and Romance nouns.

Keywords: keyword (markeme); algorithm of quantitative analysis; vocabulary of Anglo-Saxon and Romance origin; semantic classification of markemes; terminological system; experiments to test the validity of the results

For citation: Zevakhina T., Philippova M. (2024) On One Markemological Study, or Can Four Centuries of English Literature Be Reduced to Two Keywords. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 1, pp. 111–124.

Стимулом к написанию данной статьи послужила монография О.Г. Артемовой «Языковые ключи к английской литературе от Шекспира до Фаулза» [Артемова 2020]. Такие исследования вызывают огромный интерес, если учесть массу литературоведческих, лингвистических, философских, психологических и прочих работ, посвященных отдельным авторам, периодам развития литературы, литературным направлениям и т. п.

Указанная работа выполнена в русле квантитативной лингвистики, оформившейся в отечественной науке как отдельное направление еще в 60-е гг. в Ленинградской школе математической лингвистики под руководством Р.Г. Пиотровского. В данном случае, однако, речь не идет о чисто информативных текстах. Ведь автор поставила перед собой амбициозную задачу: представить так называемые «ключи»

к английской литературе 4-х столетий. Анализу подвергаются художественные тексты, имеющие эстетическую ценность, обладающие стилистическим своеобразием, отражающие авторскую индивидуальность. Вспомним слова А. Эйнштейна: «Не все, что может быть посчитано, считается, и не все, что считается, может быть посчитано».

Предпосылки исследования. О.Г. Артемова работает в парадигме научной школы маркемологии, созданной В.Т. Титовым и А.А. Кретовым в Воронежском государственном университете [Титов 2004; Кретов и др. 2016; Кретов, Фаустов 2017]. На начальном этапе В.Т. Титов создал методику параметрического анализа ядерной лексики в двуязычных словарях (объемом 10–12 тыс. слов) шести романских языков. При отборе ядерных слов он учитывал следующие параметры: «функциональный» — мера употребительности слова, синтагматический — широта сочетаемости (участие лексемы во фразеологических оборотах), парадигматический — размер синонимического ряда, эпидигматический — количество значений у лексемы [Титов 2004]. В результате ядерная лексика в каждом из этих языков составила приблизительно одну тыс. единиц.

В этой же работе на основе вычисления веса каждой отдельной лексемы в ранжированных списках по всем взятым параметрам была предложена формула сведения числовых показателей параметров такой лексемы к одной величине. (Рамки статьи не позволяют расписать процедуру ранжирования, поскольку она предполагает объемный экскурс в математику.) Позже стали учитываться только две характеристики лексемы в тексте — ее длина и частота употребления, причем анализ проводился на выборках текстов гораздо большего объема. Автор монографии, используя формулу В.Т. Титова, также свела количество параметров к этим двум — длине и частоте словоформы — и, кроме того, ограничилась только существительными, в отличие от В.Т. Титова, анализировавшего существительные, прилагательные и глаголы.

О.Г. Артемова использует в своем исследовании центральное понятие этого направления — маркему. Информация о частоте слова в некоторой совокупности текстов отражает степень того, что маркемологи называют «тематичностью слова». Они исходят из предположения, что лексема представляет тематику текста, если упоминается в нем достаточно часто, хотя далеко не все лингвисты согласятся, что частотность слова в художественном тексте делает его ключевым: см. [Akhmanova, Zadornova 1983].

Поскольку известно, что словами, обладающими максимальной частотой в любом тексте, являются служебные слова (обычно короткие), а маркемолога интересуют частотные знаменательные

слова, то у него возникает предположение, что можно осуществить эту задачу, добавив к критерию частотности по крайней мере еще один параметр — длину слова в буквах. Гипотеза здесь следующая: чем длиннее слово, тем реже оно будет использоваться в текстах — это известная закономерность, согласно Ципфу. И если слово большой длины используется чаще, «чем ему положено» (т. е. по сравнению со среднестатистической частотностью слов аналогичной длины), то можно сделать вывод, что это особо значимое слово для данного объема художественных произведений.

Эта фиксация автора на существительных большой длины, как будет показано ниже, в свете истории английского языка, сослужила исследовательнице не самую добрую службу. Последующий анализ показал, что большой длиной в англ. языке обладают, как правило, слова романск. происхождения. (Здесь и далее «романск.» — романский, «англосакс.» — англосаксонский, «герм.» — германский, «греч.» — греческий.) Похоже, О.Г. Артемова как раз недоучла фактор этимологических истоков выделенных ею ключевых слов, поэтому мы и решили провести собственные эксперименты, поразившись тому, что среди ключевых слов О.Г. Артемовой подавляющее большинство принадлежит к романск. пласту англ. лексики. А где же англосаксонский пласт?

Теоретическая база исследования. Характеристики маркемы основываются на соотношении между двумя вышеназванными параметрами слова. При этом формула В.Т. Титова получает развитие: отдельно подсчитывается вес слова по частоте, отдельно по длине, и производится вычитание второй величины из первой. К разочарованию читателя, автор никак не аргументирует эту операцию, представляющуюся человеку с общелингвистической подготовкой весьма экзотичной.

В школе маркемологии на маркему накладывается ряд ограничений. «Маркемой признается нарицательное, стилистически нейтральное имя существительное в ед. ч., именительном падеже, не являющееся обращением, названием месяцев, дней недели, литературных жанров, названием артефактов (кроме символов), словом-классификатором, не представляющее специфику жанра или направления и не выполняющее обстоятельственную функцию» [Артемова 2020:33].

Данное определение сразу вызывает вопрос: можно ли считать стилистически нейтральными слова типа *tenderness* («нежность», в котором явно присутствуют ингерентные мелиоративные коннотации), *vengeance* («месть», с ингерентными пейоративными коннотациями) и некоторые другие в итоговых списках маркем? С одной стороны, их можно рассматривать как стилистически нейтральные,

то есть не относящиеся ни к одному из стилистических пластов английского языка (литературный, официальный, технический, неофициальный, сленг и т. д.). Однако эти слова содержат другой тип коннотации — оценочный (об экспрессивно-эмоционально-оценочных коннотациях/обертонах см. [Ахманова 2004: 203]).

Введение критерия стилистической нейтральности не оправдано также потому, что в каждой единице языка кроме денотативной и сигнификативной информации содержится информация об условиях речевого общения, а не просто экспрессивная окраска или стилистическая характеристика [Городецкий 2018: 40]. Более того, на с. 142 сама О.Г. Артемова пишет о том, что в выделенный ею семантический блок эмоциональных маркем входят 7 единиц, выражающих положительное эмоциональное состояние (т. е. имеющих ингерентные мелиоративные эмоционально-оценочные коннотации), и 4 — отрицательное эмоциональное состояние (т. е. имеющих ингерентные эмоционально-оценочные пейоративные коннотации). В качестве примера можно привести такое существительное, как *consternation*. Автор переводит его как «ужас», хотя даже в словаре Мультитран один из комментаторов приводит определение из английского толкового словаря, из которого следует, что это слово скорее означает «внезапный испуг; оцепенение от страха».

В работе анализируется художественный текст. Филологи (лингвисты и литературоведы) обладают ясным представлением о широком спектре необходимых методов анализа художественного текста. Но О.Г. Артемова имеет смелость свести этот анализ к математически вычисленным спискам ограниченного числа ключевых слов со специфическими характеристиками. Для каждого писателя автор ограничилась 50 маркемами.

Материал и его отличительные признаки. Всего был обследован 2031 текст, что составило 173 645 542 словоупотребления. Корпус включает произведения английских писателей XVII–XX вв., причем для каждого столетия было выбрано по 16 прозаиков. Напр., подкорпус писателей первой половины XX века включает 36 676 450 словоупотреблений.

К сожалению, отбор авторов и их произведений проведен неумело с профессиональной точки зрения. Ошибочным является включение в обследуемый материал трудов историка Т. Карлейля (32 тт.); трудов философов Дж. Локка, Э. Бёрка (12 тт.), Т. Гоббса, Э. Шефтсбери, Дж. Э. Мура. Искусствовед Дж. Рёскин фигурирует, что естественно, как автор разнообразных трудов по искусству (44 пункта): «Камни Венеции» (3 т.), «Современные художники» (5 тт.) и т. д. Труды Дж. Аддисона представлены полными собраниями номеров журналов «Татлер» и «Спектейтор» (очевидно, состоящими не из

одних только статей Аддисона). Кроме того, несмотря на свои утверждения о том, что анализу будет подвергнута лишь проза, автор делает сознательное исключение для Дж. Мильтона; но в материалах числятся произведения и таких поэтов, как Дж. Драйден, С.Т. Кольридж и др., не говоря уже о поэме У. Алебастра «Роксана», считавшейся С. Джонсоном лучшим стихотворным произведением, написанным на латинском языке в Англии до Мильтона. Отметим также, что в материалы включены труды Ф. Бэкона по богословию и юриспруденции, написанные именно на латинском языке. Что касается соотношения прозы и поэзии, опять же очевидно: если берется полное собрание сочинений Шекспира, часть их будет прозаической, а часть — стихотворной. И вообще, в материалах много драматических произведений (драм, трагедий и комедий), что ставит вопрос о критериях, согласно которым автор относит те или иные произведения к прозаическим. Посмотрим на список произведений О. Уайльда в материалах монографии: в нем и пьесы, и роман, и литературоведческие статьи, и публицистика, и сборники эссе, а также афоризмов.

Примечательно, что в материалах значатся произведения авторов самого разного масштаба — с одной стороны, переводимые на многие языки всемирно почитаемые классики, творчество которых активно исследуется учеными различных направлений, с другой — популярно-развлекательные авторы, литературная и эстетическая ценность произведений которых не слишком высока, напр. Дж. Фарнол, Сара Скотт, У. Г. Дж. Кингстон, И. Дизраэли, М.Г. Льюис, Дж. Хиггинс, К. Баркер и др.

Курьезно, что в списке материалов Шекспир обозначен одной строчкой как «Полное собрание сочинений Шекспира» без указания издательства, места и года издания, тогда как Э. Троллоп фигурирует как автор «солидных» 79 произведений, причем уже по названиям некоторых из них понятно, что это не художественные труды. Добросовестные филологи, как представляется, будут также шокированы отсутствием знаков препинания в списке литературы и небрежной орфографией.

Анализ маркемных списков. Прежде всего, установлены списки маркем для каждого автора. К сожалению, объем статьи не позволяет привести маркемный список какого-либо автора полностью. Однако, посмотрев на список маркем О. Уайльда с точки зрения их происхождения, наблюдаем следующую картину: из 50 слов 7 англосакс. происхождения, 3 слова с self- (англосакс. элемент), 3 слова с англосакс. суффиксом -ness, 1 слово с романск. приставкой, но основа у него англосакс. — *misunderstanding*. Романские существительные оказались в большинстве. Однако, если попросить поклон-

ников писателя назвать слова, связанные в их представлении с его творчеством, многие из них окажутся короткими: *love* 'любовь', *life* 'жизнь', *Art* 'искусство', *Culture* 'культура', "Art is more important than Life" 'искусство важнее жизни', *beauty* 'красота', *wonder* 'чудо'.

После вычисления маркем на основании полученных для каждого писателя маркемных списков определяется «попарная близость» авторов, и затем О.Г. Артемова строит «генеалогическую» классификацию писателей. Она не является генеалогической в собственном смысле слова, а представляет собой конструкцию, построенную на основе анализа и сопоставления 50 слов из маркемных списков писателей. Автор использует метафорическую терминологию, называя писателя N. «предком» писателя M., а писателя S. «потомком» писателя T. и делая следующие выводы: «Теккерей является предком Троллопа»; «Кингсли Эмис является потомком Агаты Кристи» (Табл. 4–9 [Артемова 2020: 310–311]). Согласно исследовательнице, один автор может быть «потомком» сразу нескольких писателей. Напр., она называет А. Конан Дойля потомком С. Батлера, Ч. Дикенса, У. Г. Дж. Кингстона, Т. Майн Рида, Дж. Рёскина и Э. Троллопа. Неудивительно, что в этой части исследования есть множество утверждений, с которыми читателю крайне трудно согласиться, если вспомнить интуитивные впечатления от того или иного автора.

Что касается терминологической системы, для читателя крайне неудобно, что большой список терминов, значительная часть которых являются сложносокращенными и не всегда отличаются ясностью дефиниций, размещен в середине книги [Артемова 2020: 49 и далее], причем не в алфавитном порядке.

Заметим и некорректность языка научного изложения, когда автор заявляет: «7 П-“предков”, являющихся авторами Среза 17-1, рассматривают своим П-“потомком” Отвея»; «В Срезе 20-1 5 П-“предков” считают своим П-“потомком” Силлитоу» [Артемова 2020: 311]. Если речь о почивших авторах, как можно приписывать им, что они «рассматривают», «считают» или «полагают» кого-то своими потомками, даже фигурально-метафорически? Не могут также не вызывать возражения излишества терминотворчества автора: называть Дж. Мильтона и Л. Стерна «маргиналами» неуважительно по отношению к классикам.

Следующим этапом является выделение на основе списков из 50 лексем у каждого автора общих «срезовых» маркем для текстов каждого полувека. Так, например, для 16 писателей первой половины XX в. срезowymi маркемами являются: *responsibility* 'ответственность', *understanding* 'понимание', *consideration* 'размышление', *satisfaction* 'удовлетворение' и *imagination* 'воображение'. К сожалению

нию, потребность читателя получить интерпретацию данных результатов автор не удовлетворяет.

И, наконец, автор вычленяет общие маркемы для всех 4-х столетий. Ими в исследовании оказались всего две (!) — *understanding* 'понимание' и *satisfaction* 'удовлетворение', называемые автором «доминантой» и «вице-доминантой».

Отдавая должное проделанной работе, приходится отметить, что используемый автором алгоритм недостаточно эффективен. Как могут две интегральные маркемы представлять английскую художественную прозу 4-х веков? Создается впечатление о чрезмерном редуccionизме данного подхода.

Есть и такие «мелочи», когда магия численных методов привела к некоторым казусам: может ли слово, употребленное всего 3 (!) раза на 850 380 словоупотреблений, иметь статус ключевого? Именно так обстоит дело со списком маркем А. Мердок: в нем оказались 3 слова (*disillusionment* 'разочарование', *incomprehension* 'непонимание' и *misapprehension* 'неправильное понимание'), встретившиеся всего по 3 раза во всем массиве текстов А. Мердок [Артемова 2020: 582]. И это не единственный случай.

Семантическая классификация маркем. Данная классификация — отдельный результат исследования. Всего выделено 7 семантических блоков маркем: 1) ментально-перцептивные (напр., *bewilderment* 'недоумение'); 2) эмоциональные (напр., у автора это *repentance* 'сожаление', хотя точнее было бы перевести это слово как «покаяние» или «раскаяние»); 3) семантический блок «межличностные отношения» (напр., *reconciliation* 'примирение'); 4) социальные (напр., *justice* 'правосудие'); 5) качественные (напр., *perseverance* 'настойчивость'); 6) семантический блок «фундаментальные понятия» (напр., *strength* 'сила'); 7) морально-этические (напр., *righteousness* 'праведность'). Здесь читателю явно не хватает объяснений со стороны автора, что она имеет в виду под качественными понятиями.

Посмотрим на Табл. 3 [Артемова 2020: 592] — Семантический блок «межличностные отношения»: почему автор перевела *understanding* как «взаимопонимание»? Или, напр., Табл. 7 «Семантический блок морально-этических маркем» [Артемова 2020: 594]. Почему слово *tenderness* дано дважды, и с разными значениями: «доброта» и «чуткость»? При этом в Табл. 5 [Артемова 2020: 593] слово *tenderness* переводится уже как «нежность». (Но в Оксфордском словаре-тезаурусе у прилагательного *tender* 8 значений, и ни одно из них не содержит слов *kind* или *kindly* 'добрый'.) Возникает впечатление, что семантическая классификация недостаточно обоснована.

К сожалению, у О.Г. Артемовой полностью отсутствует информация о контекстуальном разрешении многозначности. В Табл. 7

generosity присутствует дважды: как «великодушие» и «щедрость». *Direction* дано как «направление» и «руководство», *magnificence* как «великолепие» и «роскошь», *recognition* как «одобрение» и «признание». В общем, процедура распределения маркем по семантическим полям с помощью толкований русских эквивалентов в Словаре русского языка в 4-х тт. под ред. А.П. Евгеньевой представляется надуманной и неадекватной. Есть ли необходимость использовать русский в качестве метаязыка? Ведь многочисленные английские лексикографические источники позволяют проводить семантический анализ разнообразных нюансов значения слова внутри самого этого языка, не обращаясь к переводу.

Дискуссионный вопрос о правомерности выделения преимущественно существительных романского происхождения в качестве ключевых. В маркемных списках О.Г. Артемовой романская лексика существенно преобладает — см. выше анализ маркем О. Уайльда. Учитывая характер и стилистическую репутацию лексики романск. происхождения как чуждой, помпезной, выспренной или типичной для научного дискурса, было принято решение провести 2 эксперимента, нацеленных на выявление соотношения романск. и англосакс. лексики в случайно выбранных отрывках (эксперимент № 1) и в полных текстах романов (эксперимент № 2). В эксперименте № 1 оценивался этимологический статус каждого существительного. В эксперименте № 2 кроме этимологического статуса был использован критерий частотности существительных. Предположительно, наиболее репрезентативная лексика будет располагаться в среднем интервале частотных списков, а именно от 25 случаев употребления до 10 в порядке убывания, т. к. практика показывает, что наиболее частотными являются служебные слова, а сущ. с частотой менее 10 нерепрезентативны.

Эксперимент № 1 на случайно выбранных отрывках из произведений О. Уайльда, Дж. Оруэлла и А. Мердок. С целью уточнить функционирование в текстах англосакс. и романск. лексики был проведен эксперимент на материале нескольких отрывков из произведений О. Уайльда, отрывка из романа Дж. Оруэлла «Скотный двор» и отрывка из романа А. Мердок «Под сетью». У Уайльда в отрывке из эссе «Критик как художник» 23 сущ. англосакс. происхождения, 63 сущ. романск., 1 смешанного и 3 других; в отрывке из *De Profundis* из 37 сущ. 14 герм. или англосакс. происхождения, 23 слова романск. В отрывке из пьесы «Идеальный муж» 13 сущ. герм. и англосакс. происхождения, 11 сущ. романск., одно сущ. смешанного происхождения, одно сущ. из арабского; в отрывке из сказки «День рождения инфанты» из 13 сущ. только 2 имеют герм. происхождение; в отрывке из сказки «Замечательная ракета» из 23 сущ. 13 слов герм.

происхождения, 10 романск. В целом видно, что картина сложная: такая статистика, похоже, зависит от тематики и жанра. При этом романск. сущ. в исследованных отрывках, как правило, не являются длинными, что противоречит гипотезе О.Г. Артемовой.

Отрывок же из романа Дж. Оруэлла «Скотный двор» содержит из 54 сущ. 36 романск. происхождения (самые длинные слова *satisfaction* и *indiscipline* по 12 букв каждое), 10 сущ. англосакс. происхождения (самое длинное слово *misunderstanding* из 16 букв, но основа в нем англосакс.), 7 словоформ смешанного происхождения и одно сущ. греч. происхождения. Такое распределение сущ. романск. и англосакс. происхождения, видимо, можно объяснить жанром романа, содержащего политическую сатиру.

В отрывке из романа А. Мердок «Под сетью» из 52 сущ. 18 герм. и англосакс. происхождения, 29 — романск. (самое длинное слово *metaphysician* из 12 букв), 5 — проч. Тематика отрывка — университетские занятия преподавателя философии со студентами и его размышления о склонности студентов-философов придерживаться того или иного философского направления. Относительно одного из ключевых слов этого романа мы имеем свидетельство самой А. Мердок, которая в интервью Малькольму Бредбери так высказалась о ключевой идее романа: «Название этого романа философское, оно связано с сетью понятий, под которыми скрывается конкретное (частное)» (“The title is philosophical. It has to do with the net of concepts under which the particular hides”).

Эксперимент на полных текстах романов тех же авторов. 2-е тестирование было проведено на полных текстах следующих романов: «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда, «Скотный двор» Дж. Оруэлла и «Под сетью» А. Мердок. Как было сказано выше, рассматривались сущ. в интервале частоты от 25 словоупотреблений до 10. Оказалось, что соотношение маркем герм. и романск. происхождения в этих текстах было, соответственно, 171 герм. / 23 ром. (Уайльд), 62 герм. / 27 ром. (Оруэлл), 133 герм. / 103 ром. (Мердок).

Итак, если в маркемных списках этих авторов лексика романск. происхождения преобладает (у Уайльда 80 % маркем, выделенных О.Г. Артемовой, — это сущ. романск. происхождения, у Дж. Оруэлла — 85,3 %, у А. Мердок — 84,3 %), то в изученных в эксперименте № 2 текстах картина противоположная. Как видим, существительных исконного герм. происхождения больше.

Особенности употребления английской лексики согласно рекомендациям известных стилистов. Уже беглый взгляд на историю языка англ. литературы показывает, что были периоды, когда писатели и занимавшиеся стилистикой лингвисты боролись за чистоту англ. языка, одобряя использование родных, исконных слов англосакс.

происхождения (как правило, одно- или двухсложных) и порицая чрезмерное употребление слов романск. происхождения (как правило, многосложных). В англ. языке даже есть глагол *to pontificate* (также романск. происхождения), означающий, в частности, «заниматься догматическими разглагольствованиями; читать мораль; возглашать». Подразумевается, что эти речевые действия производятся с использованием многосложных слов романск. происхождения.

Вопрос о соотношении лексики герм. и романск. происхождения имеет для англоязычной культуры принципиальное значение и часто обсуждался в течение последних двух веков англ. стилистами. Появились даже 2 прилагательных, образованных от фамилии С. Джонсона — *Johnsonian* и *Johnsonese*. *Johnsonian* определяется в Большом словаре англ. языка (OED) как «...стиль в английском языке, избыливающий словами, производными от или составленными из латинских, такой как стиль д-ра Джонсона»; в современном употреблении это слово применимо почти исключительно к «высокопарному или помпезному стилю, принимающему форму многосложных слов классического происхождения» [цит. по: E. Partridge 1999: 169].

Проблема актуальна и в наше время. Примером может служить эпизод из культового комедийного исторического сериала *Blackadder* («Черная гадюка»), в котором к главному герою — принцу Джорджу — приходит сам д-р С. Джонсон, чтобы рассказать ему, что он закончил составление своего знаменитого словаря [Blackadder <https://youtu.be/vDVxq76-qOw>].

Аристократ говорит простыми и короткими словами, тогда как д-р С. Джонсон использует предложения типа “I celebrated last night the encyclopedic implementation of my premeditated orchestration of demotic Anglo-Saxon” («Вчера вечером я отпраздновал энциклопедическое освоение заранее продуманного оркестрирования простонародного англосаксонского языка»). На что его собеседник отвечает: “I don’t know what you are talking about, but you sound damn saucy” («Не знаю, о чем Вы говорите, но это звучит чертовски неприлично»). Весь юмор данной ситуации заключается именно в использовании вышеупомянутой оппозиции длинных и замысловатых слов романск. происхождения простым и коротким англосакс. словам.

Обобщая данные рассуждения, обратимся к известным рекомендациям знаменитых английских стилистов братьев Ф. и Г. Фаулеров, которые советовали писателям: «1. Предпочитайте знакомое слово малознакомому. 2. Предпочитайте конкретное слово абстрактному. 3. Предпочитайте одно слово многословному выражению. 4. Предпочитайте короткое слово длинному. 5. Предпочитайте англосаксонское слово романскому» [Fowler, Fowler 1962: 11].

Подведение итогов. Понятно, что О.Г. Артемова проделала большую работу. Однако при таком огромном объеме материала неудивительно, что остается впечатление его недообработанности и недоведенности до должных лингвистических выводов. Зададимся вопросом: насколько адекватен данный метод исследования, если, сопоставив маркемные списки двух столь разных авторов, как Дж. Оруэлл и А. Мердок, получаем 24 совпадающих маркемы из 50? Читателя больше интересует частное, индивидуальное, характерное для каждого автора, а исследовательница фактически сосредоточилась на анализе общего, на анализе пересечений, т. е. того, что у разных авторов совпадает. Но совпадения не представляют ничего удивительного, ведь автор фактически обратилась к довольно специфическому слою английской лексики. Не прав ли был Козьма Прутков, когда утверждал, что надо не в разном искать общее, а в общем искать разное?

Более того, мы даже не говорим о том, что исследователи художественной литературы, филологи держат в голове представление об анализе художественного текста как о трехуровневой структуре, включающей в себя семантический уровень, метасемиотический уровень и мета-метасемиотический (или лингвопоэтический) уровень [Задорнова 2019]. По сути, О.Г. Артемова проводит свой анализ только на семантическом уровне. Хочется надеяться, что в последующих работах и другие уровни будут приниматься во внимание.

Но самое главное, диспропорциональная представленность романской лексики в качестве ключевых слов в исследовании О.Г. Артемовой не вполне адекватно отражает реальность английского художественного дискурса. Не исключаем, что маркемологический анализ материала других языков может принести иные результаты. Подобный анализ словарных источников или текстов, например, информативного содержания может дать более удовлетворительные результаты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Артемова О.Г.* Языковые ключи к англ. лит-ре от Шекспира до Фаулза: Моногр. / Под ред. проф. А.А. Кретова. Воронеж, 2020. 596 с.
2. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 2004.
3. *Городецкий Б.Ю.* Из лекций по семантике. М., 2018.
4. *Задорнова В.Я.* Чтение текста как филологическая проблема // Слово и текст: к проблеме понимания: Сб. научных статей памяти доцента МГУ имени М.В. Ломоносова, к.ф.н. И.В. Гюббенет / Отв. ред. А.А. Липгарт; ред. Л.В. Болдырева, Е.В. Михайловская, И.Н. Фомина. М., 2019. С. 72–87.
5. *Кретов А.А., Воеводская О.М., Меркулова И.А., Титов В.Т.* Единство Европы по данным лексики. Воронеж, 2016.
6. *Кретов А.А., Фаустов А.А.* Понятие маркемы и предварительные итоги маркемного анализа русской литературы // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017, № 4. С. 16–31.
7. *Титов В.Т.* Частная квантитативная лексикология романских языков. Воронеж, 2004.

8. Akhmanova O., Zadornova V. The Category of “Personalization / Depersonalization” and the Translation Test. In: Shakespeare Translation. Annual Publication on Shakespeare Translation. Vol. 9. Tokyo, 1983.
9. Bradbury M. The Modern British Novel. 1878–2001. London, New York, etc. 2001.
10. Callil C., Tóibín C. The Modern Library. The 200 Best Novels in English Since 1950. London, 2000.
11. *The Cambridge History of English Literature*. https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/e/e6/The_Cambridge_history_of_English_literature_%28IA-afw0070.0002.001.umich.edu%29.pdf
12. Carter R., McRae J. The Penguin Guide to English Literature: Britain and Ireland. London, New York, etc. 1996.
13. Foster T.C. How to Read Literature Like a Professor. Revised ed. Harper Perennial. N.Y., 2014.
14. Fowler H.W., Fowler F.G. The King’s English. Oxford, 1962.
15. Merriam-Webster’s Collegiate Dictionary. 10th ed. Springfield, Mass., USA. 1996.
16. *The Oxford Companion to English Literature*. Compiled & ed. by Sir P. Harvey. 4th ed. Revised by D. Beagle. Oxford, 1967.
17. *The Oxford Companion to English Literature*. Ed. by M. Drabble. http://elcat.pnpu.edu.ua/docs/The_Oxford.pdf
18. *The Oxford English Dictionary*. <https://www.oed.com/>
19. Partridge E. Usage and Abusage. A Guide to Good English. 3rd ed. Revised by J. Whitcut. London, New York, etc. 1999.
20. *The Pelican Guide to English Literature*. The Modern Age. <https://www.scribd.com/document/408704430/254096448-The-Pelican-Guide-to-English-Literature-The-Modern-Age-pdf>

REFERENCES

1. Artyomova O.G. Yazykovye klyuchi k angl. lit-re ot Shekspira do Faulza: monografiya [Language Keys to English Literature from Shakespeare to Fowles: Monograph]. Ed. by Prof. A.A. Kretov. Voronezh: NAUKA-YUNIPRESS, 2020. (In Russ.)
2. Akhmanova O.S. Slovar’ lingvisticheskikh terminov [A Dictionary of Linguistic Terms]. Izd. 2-e, stereotipn. Moscow: URSS, 2004. (In Russ.)
3. Gorodetsky B.Yu. Iz lektsiy po semantike [From Lectures on Semantics]. M.: MAKSS Press, 2018. (In Russ.)
4. Zadornova V.Ya. Chtenie teksta kak filologicheskaya problema [Reading a Text as a Philological Problem]. In *Slovo i tekst: k probleme ponimaniya* [The Word and the Text]. Sb. Nauchnykh statei pamyati dotsenta MGU imeni M.V. Lomonosova, k.f.n. I.V. Gyubbenet / Ch. ed. A.A. Lipgart; eds. L.V. Boldyreva, E.V. Mikhailovskaya, I.N. Fomina. Moscow: Nauka, 2019, pp. 72–87. (In Russ.)
5. Kretov A.A., Voevudskaya O.M., Merkulova I.A., Titov V.T. Edinstvo Evropy po dannym leksiki [Europe’s Unity According to Lexis]. Voronezh: Izd. dom VGU, 2016. (In Russ.)
6. Kretov A.A., Faustov A.A. Ponyatie markemy i predvaritelnye itogi markemnogo analiza russkoi literatury [The Notion of Markeme and Preliminary Findings of Markeme Analysis of Russian Literature]. *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta. Ser. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*. 2017, no. 4, pp. 16–31. (In Russ.)
7. Titov V.T. Chastnaya kvantitativnaya leksikologiya romanskikh yazykov [A Specific Quantitative Lexicology of Romance Languages]. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 2004. (In Russ.)

8. Akhmanova O., Zadornova V. The Category of “Personalization / Depersonalization” and the Translation Test. In: *Shakespeare Translation. Annual Publication on Shakespeare Translation*. Vol. 9. Yushodo Shoten Ltd., Tokyo, 1983.
9. Bradbury M. *The Modern British Novel. 1878–2001*. Rev. ed. London, New York, etc., 2001.
10. Callil C., Tóibín C. *The Modern Library. The 200 Best Novels in English Since 1950*. London: Picador, 2000.
11. *The Cambridge History of English Literature*. https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/e/e6/The_Cambridge_history_of_English_literature_%28IA_afw0070.0002.001.umich.edu%29.pdf
12. Carter R., McRae J. *The Penguin Guide to English Literature: Britain and Ireland*. London, New York, etc., 1996.
13. Foster T.C. *How to Read Literature Like a Professor*. Rev. ed. Harper Perennial. London, New York, etc., 2014.
14. Fowler H.W., Fowler F.G. *The King’s English*. 1st publ. 1906. Oxford, 1962.
15. *Merriam-Webster’s Collegiate Dictionary*. 10th ed. Merriam-Webster, Inc. Springfield, Mass., USA. 1996.
16. *The Oxford Companion to English Literature*. Compiled & ed. by Sir P. Harvey. 4th ed. Rev. by D. Beagle. Oxford: Oxford University Press, 1967.
17. *The Oxford Companion to English Literature*. Ed. by M. Drabble. http://elcat.pnu.edu.ua/docs/The_Oxford.pdf
18. *The Oxford English Dictionary*. <https://www.oed.com/>
19. Partridge E. *Usage and Abuse. A Guide to Good English*. 3rd ed. Revised by J. Whitcut. London, New York, etc., 1999.
20. *The Pelican Guide to English Literature. The Modern Age*. PDF. <https://www.scribd.com/document/408704430/254096448-The-Pelican-Guide-to-English-Literature-The-Modern-Age-pdf>

Поступила в редакцию 13.04.2023

Принята к публикации 17.10.2023

Отредактирована 21.12.2023

Received 13.04.2023

Accepted 17.10.2023

Revised 21.12.2023

ОБ АВТОРАХ

Зевахина Татьяна Сергеевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; tzev@mail.ru

Филиппова Маргарита Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; philippova.marga@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Tatiana S. Zevakhina — PhD, Senior Researcher, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; tzev@mail.ru

Margarita M. Philippova — PhD, Associate Professor, Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; philippova.marga@gmail.com

БУКВА В ТЕКСТЕ: НАГЛЯДНАЯ ЗАГАДКА

В феврале 2023 года на филологическом факультете МГУ прошла конференция «Буква как поликодовое сообщение», организованная кафедрой общей теории словесности. Ее задача состояла в исследовании многомерной действенности буквы, минимальной единицы письменного печатного текста.

Коммуникативный потенциал и информационная емкость буквы резко возрастают в поликодовом, мультимодальном тексте, и несколько представленных ниже статей по материалам конференции не случайно посвящены практикам литературного авангарда. Однако и взгляд, брошенный в историю культуры, обнаруживает немало ситуаций, в которых «автономная» буква, путешествуя из контекста в контекст, выражала больше, чем многословное высказывание, — превращалась в ориентир, опознавательный знак, фигуру речи или предмет игры. «Явная тайна» производства и восприятия буквы продолжает служить вдохновением к художественному творчеству и теоретическому поиску.